

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 88–94

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 88–94

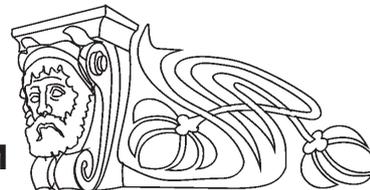
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-88-94>, EDN: KKGTLM

Научная статья

УДК 323.2

Региональная идентичность молодёжи как фактор современной российской политики

В. С. Дерябин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Дерябин Владислав Сергеевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления, vlad.deryabin27.05@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4827-7167>

Аннотация. Современная российская политика характеризуется усилением роли её регионального уровня и необходимостью поиска новых индикаторов, отражающих качество регионального управления и перспективы социального развития. В этом контексте значимым объектом анализа становится молодёжь как наиболее динамичная и чувствительная к социально-политическим изменениям группа населения. В статье анализируется текущее состояние региональной идентичности молодёжи и приводятся аргументы в пользу возможности и необходимости учитывать это состояние в оценках эффективности региональной политики. В статье показано, что региональная идентичность молодёжи включает в себя эмоциональную привязанность к территории, доверие к региональным институтам власти, представления о жизненных перспективах молодых людей, их готовность к участию в социально-политических процессах. Автор утверждает, что качество идентичности молодёжи тесно связано с состоянием политической, экономической и культурной сфер в регионе, продуктивностью работы механизмов публичного управления, доступностью социальных лифтов и возможностями профессиональной самореализации молодёжи. В статье подчёркивается, что в нормативно-правовой базе региональной молодёжной политики такой показатель, как состояние региональной идентичности молодых граждан, отсутствует. Сделан вывод о необходимости учитывать данный показатель в экспертных оценках эффективности, уровня социального доверия в регионе и долгосрочных перспектив его развития.

Ключевые слова: региональная политика, молодёжная политика, региональная идентичность, гражданская идентичность, политическая социализация, публичное управление

Для цитирования: Дерябин В. С. Региональная идентичность молодёжи как фактор современной российской политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 88–94. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-88-94>, EDN: KKGTLM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Regional identity of youth as a factor of modern Russian politics

V. S. Deryabin

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Vladislav S. Deryabin, vlad.deryabin27.05@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4827-7167>

Abstract. Modern Russian politics is characterized by the strengthening of the role of its regional level and the need to search for new indicators that reflect the quality of regional governance and social development prospects. In this context, a significant object of analysis is youth as the most dynamic and sensitive to socio-political changes population group. The article analyzes the current state of regional identity of young people and argues for the possibility and need to take this state into account in assessments of the effectiveness of regional policy. The article shows that the regional identity of young people includes emotional attachment to the territory, trust in regional institutions of power, ideas about the life prospects of young people, their readiness to participate in socio-political processes. The author argues that the quality of youth identity is closely related to the state of the political, economic and cultural spheres in the region, the productivity of public administration mechanisms, the availability of social elevators and the possibilities of professional self-realization of youth. The article

emphasizes that in the regulatory framework of regional youth policy, such an indicator as the state of regional identity of young citizens is absent. The author comes to the conclusion that it is necessary to take this indicator into account in expert assessments of efficiency, the level of social trust in the region and long-term prospects for its development.

Keywords: regional politics, youth policy, regional identity, civic identity, political socialization, public administration

For citation: Deryabin V. S. Regional identity of youth as a factor of modern Russian politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 88–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-88-94>, EDN: KKGTLM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные научные подходы к пониманию идентичности формируются на стыке социологии, политологии и социальной психологии и включают в себя широкий спектр концепций – от классических идей Э. Эриксона о кризисах и стадиях формирования «Я» [1] до конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих идентичность как социально создаваемый и постоянно воспроизводящийся конструкт. В рамках социально-конструктивистской парадигмы идентичность понимается не как фиксированное качество личности, а как результат взаимодействия индивида и социального контекста, где региональное пространство выступает значимым источником символов, норм и поведенческих образцов [2]. Особое значение имеют идеи М. Кастельса о «сетевом обществе», в котором идентичность становится многослойной, подвижной и безусловной. Региональная идентичность в таком контексте рассматривается как один из возможных уровней самоопределения, конкурирующий с профессиональными, этнокультурными, гражданскими и цифровыми формами принадлежности [3].

В работах отечественных исследователей (Э. И. Никоновой, Е. В. Самаркиной и др.) подчёркивается, что региональная идентичность молодёжи формируется на пересечении когнитивных факторов (знание об особенностях региона), эмоциональных привязанностей и восприятия территориальной среды как пространства возможностей [4, 5]. Такой теоретический разворот позволяет рассматривать региональную идентичность не только как культурно-психологический феномен, но и как индикатор структурных характеристик регионального развития и качества взаимодействия личности с институтами власти.

Упомянутыми исследователями молодёжь рассматривается как социальная группа, наиболее восприимчивая к изменениям в социально-политической и экономической среде. Объясняют это специалисты сочетанием нескольких факторов: высокой мобильностью,

незавершённостью процесса социализации у молодых людей, их нацеленностью на поиск оптимальных жизненных траекторий, формированием системы ценностей и зависимостью от доступности социальных лифтов.

Исследователи отмечают также, что молодёжь обладает повышенной чувствительностью к качеству локального пространства – инфраструктуре, возможностям образования, состоянию городской среды, символическому наполнению региона. Именно в этой группе быстрее всего проявляются реакции на неэффективность публичного управления, недостаток перспектив или, наоборот, на привлекательность региона.

Стратегия реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года включает положения, ориентированные на развитие механизмов молодёжного участия на региональном уровне, поддержку социально значимых инициатив и укрепление чувства сопричастности к территориальному развитию. Однако региональная идентичность как самостоятельный индикатор состояния молодёжной среды в документе практически не представлена¹. Аналогичная ситуация наблюдается и в стратегиях социально-экономического развития субъектов Федерации. Несмотря на внимание составителей этого документа к проблеме формирования человеческого капитала, с вопросами региональной идентичности это формирование чаще всего не увязано. Ещё более явно это обстоятельство заявляет о себе в документах, регулирующих культурную политику в регионах. Обычно в таких документах поднимаются проблемы сохранения исторической памяти, культурных брендов и локальной идентичности. При этом обычно не оговорены критерии и инструменты оценки того, насколько молодёжь действительно ценит возможность проживать в определённом регионе и насколько она связывает её со своим образом счастливого будущего.

¹ Об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Такое несоответствие между научными выводами и содержанием нормативных документов создаёт политико-управленческую проблему. Суть проблемы в том, что нынешние подходы к оценке достижений и недостатков региональной политики не учитывают один из ключевых индикаторов – состояние региональной идентичности молодёжи. Именно молодёжная идентичность, как подчёркивают Э. И. Никонова и другие авторы, показывает глубину интеграции молодого поколения в региональный социально-политический процесс, характеризует уровень его доверия к региональным властным и общественным институтам, привлекательность территории своего региона для решения житейских и карьерных вопросов [4, с. 300–301].

В последние годы внимание российских исследователей всё более смещается от изучения процессов социально-групповой идентификации и самоидентификации к анализу региональных особенностей процесса формирования идентичности у различных социальных групп. Показательно, что именно молодёжь, обладая высокой мобильностью и повышенной чувствительностью к социальным изменениям, выступает своеобразным индикатором состояния региональной среды и эффективности региональной политики. В работах Э. И. Никоновой подчёркивается, что современные глобальные и внутривнутриполитические вызовы трансформируют идентификационные модели молодых людей значительно быстрее, чем у других возрастных групп, что делает исследование молодёжной идентичности необходимым элементом анализа политического развития территорий [4, с. 300–302].

Доминирующее направление исследований молодёжи в отечественной политической и социологической науке связано с изучением гражданской идентичности, патриотизма и политических ориентаций. А. В. Бугаев и Т. К. Ростовская обращают внимание на то, что гражданская идентичность современной молодёжи формируется под воздействием системных изменений в образовательной, семейной и культурной среде, и подчёркивают необходимость комплексного межведомственного подхода к работе с молодым поколением [6, с. 152–153]. О. В. Попова и Н. В. Гришин показывают, что политическая идентичность молодёжи в последние годы всё менее связана с традиционными политическими институтами и всё больше зависит от сетевых медиа, блогеров и

неформальных лидеров общественного мнения. Такая трансформация свидетельствует о снижении доверия к привычным институтам политической социализации, что отражает и состояние региональных управленческих систем [7, с. 154–155].

Научных работ, посвящённых проблематике процесса формирования региональной идентичности молодёжи, не так много. Хотя именно состояние региональной идентичности молодых граждан способно дать наиболее точное представление о качестве состояния и перспективах региональной политики. В работе Е. В. Самаркиной подчёркивается, что территориальная идентификация молодых людей является сложным конструктом, включающим эмоциональную привязанность к территории, социальное доверие, оценку возможностей самореализации и представления о будущем собственной жизни в пределах региона. В условиях нарастающей межрегиональной миграционной конкуренции и усиливающейся поляризации регионов по уровню экономического и социального развития именно региональная идентичность молодёжи позволяет оценить, насколько регион воспринимается как место, привлекательное для долгосрочной жизни и построения профессиональных траекторий [5, с. 88–90].

Исследования, посвящённые общей структуре социальной идентичности молодёжи, фиксируют тенденцию размывания устойчивых форм принадлежности, что связано с трансформацией традиционных институтов социализации, усилением цифровой среды и ростом индивидуализированных жизненных стратегий. Монография «Социальная идентичность современной российской молодёжи в условиях изменяющейся реальности» указывает на наличие разнонаправленных, часто взаимоисключающих идентификационных ориентаций, обусловленных разнообразием молодёжных сред, неустойчивостью социально-экономической ситуации и различиями в доступе к ресурсам развития [8, с. 5–7]. Такая фрагментация делает изучение региональной идентичности особенно важным, поскольку она выступает связующим звеном между индивидуальными жизненными стратегиями молодого человека и конкретным территориальным контекстом.

Несмотря на значимость приведённых подходов, их аналитический потенциал имеет ряд ограничений, которые становятся особенно заметны при рассмотрении региональной иден-

тичности молодёжи в широком политическом контексте. Во-первых, авторы характеризуют трансформацию идентичности преимущественно через призму отдельных институтов социализации – образования, медиа, сетевых сообществ, в то время как региональная идентичность формируется в результате взаимодействия более сложной совокупности факторов, включающих состояние локальных рынков труда, качество городской среды, доступность социальных лифтов, а также воспринимаемую справедливость региональной политики. Такая институциональная расщеплённость объяснений не позволяет в полной мере оценить системный характер влияния региона на идентификационные модели молодых людей.

Во-вторых, значительная часть исследований фиксирует снижение доверия к традиционным институтам социализации. Однако их авторы не предлагают развёрнутых концептуальных моделей, объясняющих, каким образом изменения в структуре доверия трансформируют территориальные идентичности. Между тем именно региональный контекст может выступать компенсаторным фактором, смягчающим кризис доверия на федеральном уровне, что пока недостаточно отражено в научной литературе.

В-третьих, исследования гражданской и политической идентичности нередко рассматривают молодёжь как объект воздействия социальных институтов, тогда как современная молодёжная идентичность обладает ярко выраженной агентностью: молодые люди активно конструируют собственные идентификационные рамки, в том числе в оппозиции к официальным дискурсам. Это особенно важно для регионального контекста, где молодёжь может выступать генератором новых символических образов, альтернативных интерпретаций локального пространства и практик городской активности.

Наконец, большинство авторов сосредоточиваются на текущих процессах трансформации идентичности, но существенно меньше внимания уделяют её перспективам. Между тем для прогнозирования региональной политики именно способность региональной идентичности новых поколений граждан со временем меняться имеет ключевое значение. В исследованиях Э. И. Никоновой и О. В. Поповой подчёркивается, что молодёжь первой меняет идентификационные модели в ответ на политические или социальные изменения, что делает её своеобразным «барометром» региональной политики [4, 7].

В большинстве упомянутых выше публикаций сделан акцент на том, что восприятие молодёжью собственного региона как пространства возможностей, а также уровень её доверия к региональным институтам власти тесно связаны с проблемами управления развитием того или иного региона. Исследователи отмечают: если молодёжь испытывает ощущение социальной несправедливости, не видит каналов профессиональной и общественной самореализации или оценивает региональную экономику как слабую, то уровень её региональной идентичности закономерно снижается. Эта зависимость анализируется в публикациях И. Гриценко и других авторов, которые указывают на прямое влияние информационной среды и социально-политического климата региона на идентификационные модели молодёжи [9, с. 170–172].

Э. И. Никонова механизм смены идентификационных моделей молодёжи представляет как сочетание внешних событийных факторов и внутренних когнитивных процессов. Исследователь связывает трансформацию идентичности, прежде всего, с воздействием макросоциальных и политических изменений, которые молодёжь воспринимает как сигнал необходимости переоценки собственных установок. Такие изменения, как отмечает Никонова, запускают процесс быстрой «пересборки» идентичности, поскольку молодые люди обладают более пластичной ценностной структурой и высокой чувствительностью к политической неопределённости. В её трактовке механизм смены включает три элемента: изменение социальной среды (в том числе политического контекста), изменение системы норм и ценностей, а также реакцию индивида, у которого в силу возрастных особенностей выше готовность к изменению идентификационных рамок [4].

У О. В. Поповой и Н. В. Гришина механизм смены политической идентичности молодёжи связывается, прежде всего, с дефицитом традиционных институтов политической социализации и усилением влияния сетевой среды. По их трактовке, молодёжь меняет идентификационные модели, когда старые каналы социализации перестают выполнять функцию формирования доверия и политической ориентации, а на первый план выходят сетевые медиа, лидеры мнений и горизонтальные сообщества, создающие новые контуры политического самоопределения. Авторы фиксируют, что именно цифровая среда формирует у молодёжи ускорен-

ный и фрагментированный способ восприятия политической реальности, что делает процесс смены идентичности не только быстрым, но и более зависимым от эмоционально насыщенных информационных потоков [7].

Исследования отечественных специалистов трактуют регион не только как административно-территориальную единицу, но и как социально-политический ресурс, от которого зависят качество жизни, уровень социальной солидарности, характер коммуникаций и возможности политического участия граждан. Регион является пространством, в котором молодёжь сталкивается с реальными практиками публичного управления, формирует ожидания относительно своего будущего и планирует свои соответствующие жизненные стратегии.

Региональная идентичность в таком контексте характеризует меру социального восприятия региона как пространства возможностей самореализации и социальной коммуникации (профессиональных, образовательных, культурных, политических), образно выражаясь, меру восприятия молодыми гражданами своего региона или других российских регионов как пространства комфорта. Если регион предоставляет широкий спектр возможностей для самореализации, обладает привлекательной городской средой и стабильной институциональной системой, региональная идентичность молодёжи укрепляется и приобретает то свойство, которое отечественные публицисты издавна называют «любовью к малой родине». В противном случае регион превращается в сознании гражданина в территорию временного пребывания, не связанную с его долгосрочными планами на жизнь.

Самостоятельное значение при изучении состояний региональной идентичности молодёжи как фактора региональной политики приобретает анализ нормативно-правовых документов, определяющих государственную региональную политику.

Отсутствие устойчивой региональной идентичности у молодёжи несёт значительные риски для устойчивости региональной политики и долгосрочного развития территорий. Данные ВЦИОМ показывают, что лишь около 12% россиян в возрасте 18–24 лет заявляют, что большинству людей можно доверять, тогда как 88% считают, что большинству доверять нельзя². Это свидетельствует о глубоком дефиците

² Доверие в России: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 26.09.2025).

доверия – одного из компонентов идентичности – у молодого поколения. Вместе с тем в той же возрастной группе почти каждый второй респондент рассматривает возможность смены места жительства в обозримом будущем³. Такая высокая мобильность и склонность к миграции усиливают риск «утечки» молодёжи, особенно если регион не создаёт условий для её закрепления. Сочетание низкого уровня доверия и высокой миграционной готовности указывает на то, что региональная идентичность у этой группы может быть слабой или нестабильной, что, в свою очередь, снижает устойчивость региональной политики и увеличивает вероятность возникновения социальных и политических рисков – от кадрового дефицита до ослабления гражданской активности.

Отсутствие устойчивой региональной идентичности сопровождается ростом миграционных настроений. О. В. Попова и Н. В. Гришин в эмпирических исследованиях фиксируют, что молодые респонденты, демонстрирующие слабую территориальную привязанность, чаще выражают готовность уехать в другие регионы или за границу, обосновывая это отсутствием карьерных перспектив, недостатками городской среды, низким уровнем социальных гарантий и отсутствием доверия к региональной власти [7, с. 145–149]. Таким образом, региональная идентичность становится не абстрактным понятием, а реальным фактором демографической и политической устойчивости.

Современная российская политика всё более отчётливо демонстрирует феномен территориальной конкуренции за человеческий капитал. Регионы соревнуются не только в экономических показателях, но и в качестве городской среды, социальных гарантиях, брендинге территории, уровне цифровизации, развитии культурной инфраструктуры. Молодёжь в этой конкуренции – наиболее желаемый ресурс, поскольку именно она определяет инновационный потенциал региона и формирует структуру будущих профессиональных сообществ.

Региональная идентичность молодёжи в этой логике выступает ключевым фактором: регионы, способные формировать сильную, позитивную идентичность, получают стратегическое преимущество в удержании и привлечении молодых людей. Территории, которые

³ Почему молодёжь переезжает – и хорошо ли это для страны? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/expertise/pochemu-molodezh-pereezhaet-i-khorosho-li-eto-dlja-strany> (дата обращения: 26.09.2025).

не учитывают этот параметр, сталкиваются с демографическими потерями и ослаблением кадрового потенциала.

Современные исследования подчёркивают, что региональная идентичность молодёжи играет фундаментальную роль в политической устойчивости территорий. Тем не менее анализ нормативно-правовых документов показывает, что данный показатель редко включается в систему оценки эффективности региональной политики. Это свидетельствует о наличии теоретико-практического разрыва, при котором научное знание о значении идентичностных процессов не трансформируется в управленческие механизмы [10, с. 23–25].

Административные документы сохраняют экономоцентричную, инструментальную логику, фокусируясь на экономических показателях, инфраструктуре и социальных услугах, тогда как идентичность молодёжи – показатель тонкий, социальный, требующий качественных методов анализа. Его отсутствие в стратегических документах приводит к тому, что региональная политика не учитывает важнейшего фактора будущего развития – степени включённости молодежи в региональную среду и её намерений оставаться в регионе.

С позиции политической науки региональная идентичность молодёжи связана не столько с «эффективностью политики» как таковой, сколько с качеством того управленческого контекста, внутри которого эта политика реализуется. В данном случае речь идёт не о метафорическом употреблении категории эффективности, а о характеристике публичного управления, отражающей способность региональных институтов обеспечивать предсказуемые правила, доступ к возможностям развития, справедливое распределение ресурсов и открытые механизмы участия. Именно такие параметры административной деятельности создают условия, в которых формируется и укрепляется региональная идентичность молодёжи. Соответственно, рост или снижение территориальной идентификации может рассматриваться как индикатор качества управленческих решений и социального климата региона, а не как оценка «эффективности политики» в прямом смысле этого слова.

В этом контексте особого внимания заслуживает вопрос о том, какие именно альтернативные идентификационные проекты становятся привлекательными для молодёжи в ситуации ослабления региональной идентичности. Иссле-

дования показывают, что при дефиците устойчивой территориальной привязанности молодые люди чаще ориентируются на идентичности, не связанные с конкретным пространством: сетевые субкультуры, профессиональные сообщества, локальные «кластеры» интересов, а также миграционные стратегии, которые становятся способом ухода от неудовлетворяющей региональной среды. Такие формы самоопределения оказываются функциональными для самого индивида, но создают риски для регионов: они ослабляют социальную укоренённость, снижают значимость региональных институтов и усиливают разрыв между молодёжными практиками и целями регионального развития.

Разговор о рисках напрямую связан с вопросом измерения идентичности, поскольку без понятного измерительного инструментария идентичность остаётся лишь содержательной категорией, не способной выполнять аналитические и прогностические функции. На теоретическом уровне региональная идентичность может быть операционализирована посредством трёх групп индикаторов: 1) когнитивные – знание о регионе, его истории, географии, социально-экономических характеристиках; 2) эмоциональные – степень привязанности, чувство гордости, восприятие региона как «своего»; 3) поведенческие – готовность оставаться в регионе, участвовать в региональных проектах, выстраивать карьерные траектории в пределах территории. Каждая из групп может быть представлена шкалами самооценки, позволяющими выявлять не только текущий уровень идентичности, но и динамику её изменения.

Переход от описания идентичности к её измерению позволяет объяснить, каким образом идентификационные процессы работают на задачи прогнозирования. В отличие от декларативных установок, которые могут меняться ситуативно, идентичность отражает глубинные ценностные ориентиры и устойчивые ожидания, встроенные в жизненные планы молодёжи. Если когнитивные и эмоциональные компоненты идентичности дают представление о том, как молодёжь воспринимает регион в настоящем, то поведенческий компонент непосредственно связан с будущим: он указывает на вероятность миграции, степень готовности к участию в социальных и политических практиках, доверие региональным институтам. Именно поэтому измерение региональной идентичности позволяет делать выводы о возможных сценариях

развития региона: сильная идентичность снижает риск «оттока» человеческого капитала и укрепляет социальную устойчивость, тогда как ослабленная идентичность является индикатором потенциального социального напряжения и утраты молодёжного ресурса.

С учётом обозначенных выше процессов – усиления внутренней миграции, экономической дифференциации регионов, расширения цифровых форм социализации и изменения моделей политического участия молодёжи – региональная идентичность молодого поколения всё более явно проявляется как чувствительный показатель состояния региональной среды и эффективности проводимой региональной политики. В этих условиях именно способность региона формировать и поддерживать устойчивую идентификацию молодёжи с территорией становится важным критерием оценки его долгосрочных перспектив.

Таким образом, анализ современной научной литературы и нормативно-правовых документов позволяет утверждать, что региональная идентичность молодёжи представляет собой ключевой фактор современной российской политики. Она отражает реальное состояние региональной среды с точки зрения молодёжи, выявляет дефицит управленческих решений и демонстрирует перспективы развития региона. В то время как стратегии региональной политики зачастую сосредоточены на экономических и инфраструктурных параметрах, идентичностный аспект остаётся вне сферы системной оценки. Включение региональной идентичности молодёжи в перечень индикаторов регионального развития способно обеспечить более точную, глубинную и социально ориентированную оценку эффективности региональной политики, а также сформировать новые подходы к взаимодействию власти и молодого поколения.

Список литературы

1. Колесов С. Г. Теория Э. Эриксона основных стадий жизненного пути личности и формирование зако-

нослушного поведения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 272–275.

2. Антонова Н. Л., Бусыгин А. Г. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2 (132). С. 12–13. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.1>, EDN: YWCEOT
3. Птицына С. С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 3 (4). С. 55–56.
4. Никонова Э. И. Критерии сформированности гражданской идентичности российской молодежи: региональный аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 300–304. EDN: ZVZNUJ
5. Самаркин Е. В., Башмаков И. С. Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24, № 4. С. 87–102. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-4-87-102>
6. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи / под ред. А. В. Бугаева, Т. К. Ростовской. М. : Изд-во РГСУ, 2018. 198 с. EDN: YWCEBA
7. Попова О. В., Гришин Н. В. Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов // Политическая наука. 2023. № 2. С. 140–162. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.06>
8. Социальная идентичность современной российской молодежи в условиях изменяющейся реальности / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2023. 128 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04810-7>, EDN: AEBOFR
9. Гриценко В. В., Остапенко Л. В., Субботина И. А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 165–181. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>, EDN: ABTJKR
10. Биринчи Э., Зверева М. С., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Пашин М. М., Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е. Национально-государственная идентичность: методологические и исторические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 1. С. 8–35. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>

Поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 08.12.2025
The article was submitted 21.10.2025; approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 08.12.2025